

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2022.12.41.011

Культурологический анализ контента виртуального пространства в аспекте конфликта интерпретаций

Порозов Роман Юрьевич

Кандидат культурологии,
доцент кафедры философии, социологии и культурологии,
Институт общественных наук,
Уральский государственный педагогический университет,
620017, Российская Федерация, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26;
e-mail: uspu@uspu.ru

Клюсова Полина Сергеевна

Кандидат культурологии,
Институт общественных наук,
Уральский государственный педагогический университет,
620017, Российская Федерация, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26;
e-mail: polinasergeevna1900@mail.ru

Публикация выполнена в рамках гранта РФФИ (проект № 20-012-00415 «Когнитивные интернет-технологии как фактор формирования экстремистского поведения молодежи: механизмы воздействия и профилактика»).

Аннотация

В данной статье авторы рассматривают категорию «конфликт интерпретаций», которая получает развитие при различных трактовках какого-либо текста различными участниками коммуникации. Конфликт интерпретаций, как правило, возникает в связи с множеством коннотаций одного медийного текста. Определяя значение термина «конфликт интерпретаций», авторы систематизируют исследования по философии, социологии и культурологии. Наиболее ярко проявление конфликта интерпретаций представлено в молодежной среде и пространством его репрезентации является медиа. Для определения специфики конфликта интерпретаций произведен выбор медиатекстов по актуальным социокультурным обстоятельствам. В процессе анализа конфликта интерпретаций в молодежной среде используются эмпирические методы: глубинное интервью и анализ медиаконтента, в ходе которых сделана попытка выявить основные аспекты интерпретации экстремистских текстов в пространстве медиа. Вопросы глубинного интервью сформированы по группам. Первая группа вопросов направлены на определение специфики восприятия конкретных изображений молодежью, вторая – обобщение представлений о медиаконтенте, содержащего элементы экстремистского дискурса.

Ответы респондентов позволяют также выделить – в обобщенном виде – факторы (и их природу), влияющие на интерпретацию экстремистского текста. Авторы гипотетически предполагают, что на трактовку конфликтного медиатекста будут влиять культурные, возрастные, гендерные, социально-демографические, эмоциональные и коммуникативные факторы.

Для цитирования в научных исследованиях

Порозов Р.Ю., Ключова П.С. Культурологический анализ контента виртуального пространства в аспекте конфликта интерпретаций // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 5А. С. 111-121. DOI: 10.34670/AR.2022.12.41.011

Ключевые слова

Медиа, культурный конфликт, конфликт интерпретаций, молодежь, экстремистский дискурс.

Введение

Интерпретация продуктов медиасреды в XXI веке связана с множеством факторов: возраст аудитории, гендерная принадлежность, мировоззрение, политическая и конфессиональная принадлежность, индивидуальные особенности восприятия социально-культурной ситуации. С эволюцией медиа у пользователей сети Интернет появляется возможность не только создавать собственные медийные тексты, но и выкладывать их в публичном доступе. Зачастую подобное творчество в виртуальном пространстве связано с внесением изменений в каноничные тексты в каком-либо остросоциальном контексте. Анонимность и фейковость интернет-пользователей позволяет, с одной стороны, более открыто заявлять о своей позиции по разным вопросам. С другой стороны, на этой основе могут возникать различные конфликты. То есть виртуальное пространство становится той коммуникативной площадкой, на которой сконцентрирована современная фаза развития культурного конфликта.

Теоретическую базу работы составили концепции культурного конфликта и межкультурного диалога, предложенные в исследованиях зарубежных и отечественных авторов: К. Авруха, Г. Зиммеля, П. Рикера, С. Хантингтона, А.А. Гусейнова, Э.В. Тишкевича, А.Я. Флиера.

Основная часть

В связи с множеством коннотаций одного медийного текста возникает культурный конфликт интерпретаций. Определяя значение термина «культурный конфликт», мы обратились к трудам по философии, социологии и культурологии. А.Я. Флиер трактует его как «критическую стадию противоречий в ценностно-нормативных установках, ориентациях, позициях, суждениях между отдельными личностями, их группами, личностью и группой, личностью и обществом, группой и обществом, между разными сообществами или их коалициями» [Флиер, www]. Исследователь выявляет основополагающую причину возникновения различных культурных конфликтов, которая связана с «проблемами культурной толерантности и комплементарности, с интересом к иной культуре (в ее групповом и персонифицированном воплощении) и поиском точек ценностных совпадений и пересечений»

[там же]. То есть культурный конфликт основан на анализе ценностей с позиции «свой – чужой».

Г. Зиммель в статье «Человек как враг» отмечает, что конфликт имеет и позитивную сторону, так как является фактором объединения в общности единомышленников. В работе «Конфликт современной культуры» немецкий социолог приходит к выводу, что каждый культурный конфликт связан с изменением ведущей мировоззренческой парадигмы. Некоторые устаревшие социальные и культурные конструкты вызывают внутреннее сопротивление у молодого поколения и содержание их идеологических оснований не укладываются в принятые обществом рамки. «Это противоречие обостряется по мере того, – пишет Г. Зиммель, – как то внутреннее состояние, которое мы можем назвать жизнью, проявляет себя с неоформленной силой, а с другой стороны, самая форма в своем застывшем состоянии, со своими требованиями вечных прав заявляет себя истинным смыслом и ценностью нашего бытия, в той же мере, в какой растет сама культура» [Зиммель, 1994, 79]. То есть культурный конфликт предполагает поиск новых идей и смыслов, оформление их в устойчивый образ мыслей, закрепление в сознании каждого индивида, создание продуктов искусства на их основании. К. Аврух, американский социолог и антрополог, изучая природу конфликта, приходит к выводу, что его истоки лежат в недопонимании, обусловленном социально-культурными факторами. В своей работе «Cross-cultural conflict» он пишет: «культура определяет контексты, в которых происходит конфликт, предоставляя индивидам когнитивные, символические и эмоциональные рамки для интерпретации поведения и мотивов других» [Avruch, 2009, 50]. К. Хорни, американский психолог, работы которой вышли далеко за пределы классической психоаналитической парадигмы, рассматривала конфликт, в частности невротический, как следствие культурной реальности. «Вид, сфера действия и интенсивность таких конфликтов определяются большей частью той цивилизацией, в которой мы живем. Если цивилизация стабильна и традиции устойчивы, то разнообразие доступных нам выборов ограничено и диапазон возможных конфликтов между индивидами узок» [Хорни, 2007, 57]. По мнению К. Хорни, цивилизация, находящаяся в состоянии перманентных и динамичных изменений, обладающая свойствами противоречащих ценностей, делает жизнь индивида «многозначной и трудной».

С. Хантингтон называет культуру «силой одновременно и объединяющей, и вызывающей рознь» [Хантингтон, 2003, 25]. А.А. Гусейнов, рассуждая о возможности построения диалога культур в глобальном мире, утверждает, что позитивное взаимодействие между культурами основано на осознании и принятии их противоречий. «Диалог культур – пишет А.А. Гусейнов – возникает из их различий. Качественные различия культур не только предпосылка и основание диалога... диалог не снимает этих различий, а в известном смысле обостряет их» [Гусейнов, 2008, 6]. То есть невозможно безусловное принятие ценностей и смыслов «чужой» культуры без проведения их сквозь призму собственного мировосприятия, обусловленного установками «своей» культуры.

Также исследователи отмечают, что актуализация конфликта или переход его на другой уровень происходит в периоды социальной напряженности, когда нарушается стабильное течение жизни. В этой ситуации некоторые инфоповоды в пространстве медиа, посвященные «другой культуре» и коммуникации с ее представителями, могут обострять состояние конфликта. Е.Н. Богатырева указывает, что «...на сбалансированность системы могут влиять различные факторы, например, процессы ассимиляции, формулирование новых идеологий, трансформация общественных практик. Интенсивность таких процессов активизируется в

переломные, рубежные эпохи» [Богатырева, 2016, 131]. Среди таких процессов названо формирование глобальной цифровой цивилизации, для которой характерен перенос реальной коммуникации в медийное пространство.

Зачастую культурный конфликт получает развитие при различных трактовках какого-либо текста различными участниками коммуникации. В философии герменевтики интерпретация – это «работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом, в выявлении уровней значения, заключенных в буквальном значении». Содержание коннотации определяется особенностями носителей культуры: для представителей одних культурных групп содержание контента будет неприемлемо, а для других являться вариантом нормы. Насмешка над сакральными текстами некоторых культур или изображение их ценностных ориентаций в невыгодном свете может вызвать резко-негативную реакцию. В пространстве медиа это приводит к осуждающим высказываниям или попыткам нанести словесные оскорбления оппонентам с опорой на этнические, религиозные или иные культурные признаки. В данном случае включается механизм общения и стереотипизации по этим признакам.

Таким образом, из этих противоречий и плюрализма восприятия текста возникает конфликт интерпретаций. Его изучением занимался П. Рикер, представитель философской герменевтики. Ученый в своей работе «Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике» пишет: «один и тот же текст имеет несколько смыслов, эти смыслы наслаиваются друг на друга, духовный смысл может быть «передан» историческим или буквальным смыслом путем их приращения». То есть при восприятии и трактовке одного и того же медиасообщения его семантическое значение может отличаться в зависимости от ряда факторов: историко-культурный контекст его создания и условий его «прочтения», возраст, гендер, этническая, конфессиональная принадлежность, уровень толерантности, ценностная сфера воспринимающего субъекта, внешние социально-культурные условия (наличие проблематики, ее актуальность в конкретный момент времени). Вероятно, возвращаясь к медиатексту в разные периоды жизни, индивид будет интерпретировать его иначе, так как меняются условия оценки: возраст, приобретение социального опыта, иной фокус восприятия, личное проживание обозначенной проблемы, кризис идентичности, культурный шок и др.

Также под конфликтом интерпретаций понимается «конфликт систем ценностных мировоззренческих (философских) установок и аттитюдов (психологических установок) субъектов-интерпретаторов, исходя из которых каждый из них выстраивает интерпретацию текста» [Ягундина, 2016, 3].

Э. Лич, британский социальный антрополог, деятельность которого была сосредоточена на интерпретации социальных и культурных явлений с точки зрения теории коммуникации, утверждал, что конфликт или двойственность интерпретации являются результатом трансформации двух коммуникативных стратегий – метафорической и метонимической (одна в другую, и наоборот). «Одна из характерных черт ... нелогичности (мифо-логичности) в том, что с метафорой обращаются как с метонимией» [Лич, 2001, 86]. В понимании исследователя метонимия – это когда «часть означает целое»; метафора – показывает символические отношения («произвольными заявлениями о подобии»). Специфика метонимии заключается в том, что подразумевается близость двух объектов; метафора, в свою очередь, постулирует идею об утверждении их подобия.

Н.В. Обелюнас предполагает, что «подробный конфликт в публицистическом тексте возникает тогда, когда адресат – реципиент (аудитория, персонаж медиатекста) считает, что

текст однонаправлен и адресован именно ему, и толкует его исходя из своих интенциональных установок, тогда как адресант – коммуникант направляет свой текст на неопределенный круг лиц – потенциальную аудиторию средства массовой коммуникации» [Обелюнас, 2012, 99]. В.Н. Титов полагает, что методологически интерпретация возможна с опорой на три подхода: «методологический индивидуализм – в данном случае интерпретация осуществляется с позиции некоего сравнительно независимого в своих оценках и суждениях индивида; методологический холизм – трактовка тех или иных текстов (вербальных, паравербальных, визуальных) осуществляется на основе попытки выявления неких латентных культурных кодов, программирующих установки, модели поведения отдельных индивидов; компромиссная интерпретация, предполагающая признание, с одной стороны, рефлексивного и самостоятельного индивида, способного к формированию личной идентичности, стратегических планов, а с другой – этот индивид, социализируясь в определенной культуре, занимая социальные позиции и выполняя социальные роли, предстает социальным существом» [Титов, 2020, 176].

Проявление культурных конфликтов в пространстве медиа особенно ярко представлено в молодежной среде. Так как это та социально-демографическая группа, которая характеризуется «специфическими интересами и ценностями». Более подробно особенности контркультурной активности молодежи рассматриваются авторами в статье «Молодежь как субъект вандальной активности в субкультуре граффити» [Порозов, 2020]. В ней определены характерные черты, которые позволяют именно этой части общества искать способы активного самовыражения мировоззренческой позиции, переоценке существующих традиций и их трансформации, генерации новых культурных смыслов, конструирование иной социальной реальности.

Л.А. Журавлева и Н.В. Завьялова отмечают, что в молодежной среде происходит «Отказ от традиционных культурных паттернов поведения в молодом возрасте обычно сочетается с высокой степенью восприимчивости и подражательности, что объясняется противоречивостью задач этого этапа: попытками скорейшей социальной адаптации и видоизменения ряда социальных норм; усвоением комплекса ролей для эффективного функционирования в мире взрослых и модифицированием этих ролей и стилей поведения» [Журавлева, 2013, 77-78]. Рассматривая молодежь с точки зрения антропологии, некоторые исследователи подчеркивают зависимость ее дефиниций от контекстного поля конкретной культуры. Молодежь сталкивается с кризисами социально-культурного перехода на другие жизненные этапы. «Трудности, которые присущи этому этапу жизни, могут усугубляться среди молодежи в обществах, переживающих быстрые культурные изменения, поскольку молодые люди сталкиваются с противоречиями между традициями и инновациями» [Bucholtz M., с. 530]. К таким кризисным условиям можно отнести перенос сцены действия в виртуальное пространство.

Культурологический подход исследования контента сети Интернет предполагал привлечение следующих методов: типологический метод, семиотический анализ, контекстный анализ. Применение типологического метода позволило предварительно сгруппировать изображения по условным этнокультурным параметрам: антропологические черты и внешние атрибуты представителей этнических и культурных групп (национальная одежда, принадлежность к религии). Здесь был задействован семиотический анализ, так как в случаях подобной визуальной стереотипизации черты носят символический, а не реальный характер, это необходимо для облегчения узнавания. Также к внешним знаково-семиотическим параметрам относится и наличие текстового (вербального) сопровождения изображения, например, «звучание» восточного акцента на некоторых иллюстрациях достигается путем

намеренного подражательного искажения слов или употребление специфической лексики (упоминание Бога Аллаха, часто используемых имен и т.д.). Произведен контекстный анализ медиатекстов по актуальным социокультурным обстоятельствам (проблема миграции в Европейские страны, отношение к беженцам и мигрантам, внутренние политические конфликты стран Востока и др.). в аспекте конфликта интерпретаций данные критерии позволяют выделить острые точки и проблемные зоны, которые могут ставить предложенные изображения в пограничный характер трактовки между вариантом нормы (сарказм, ирония, самоирония, стереотипизация) и оскорблением. В данном случае конфликт интерпретаций заключается в субъекте восприятия и истоках его эмоциональной оценки медиасообщения.

Исходя из обозначенных ранее характеристик ведущего подхода, вопросы сформированы по группам. Первая группа вопросов направлены на определение специфики восприятия конкретных изображений, вторая – обобщение представлений о медиаконтенте, содержащего элементы экстремистского дискурса.

Первая группа вопросов: 1. Что изображено на картинке? Какие этнокультурные особенности Вы выявили в данном медиатексте? 2. Какие стереотипы задействованы при его интерпретации? 3. Представителей каких культур Вы узнали на представленных иллюстрациях? 4. Каким образом визуально узнаются черты этих культур? 5. Какую реакцию вызывают данные изображения? 6. С чем связана Ваша интерпретация медиатекста?

Вторая группа вопросов: 1. По каким общим ценностным основаниям Вы можете сгруппировать (классифицировать) данные изображения? 2. Какие элементы изображения могут нанести оскорбление представителям других культур? 3. С какими атрибутами конфессиональной, этнической принадлежности связан именно оскорбительный характер текста?

В июле-августе 2022 года было проведено дистанционное интервьюирование представителей молодежи, целью которого стала попытка качественно описать процесс восприятия медиаконтента, имеющего отчетливые атрибуты экстремистского дискурса. В интервьюировании приняли участие 10 человек – по 5 представителей мужского и женского полов в возрасте от 18 до 35 лет. В соответствии с законодательством в Российской Федерации «молодежь, молодые граждане – это социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно».

С этической и юридической точек зрения заявленный в процедуре медиаконтент не представляется возможным продемонстрировать в ходе нашего анализа и предлагаемых выводов. На наш взгляд выводы можно сделать в двух плоскостях – горизонтальной и вертикальной. Горизонтальная плоскость подразумевает обращение внимания на генерализацию ответов респондентов, определение общих для них представлений и интерпретаций в отношении представленного медиаконтента. Анализ в т.н. вертикальной плоскости направлен на изучение дифференциации ответов внутри интервьюированной группы. Здесь мы наблюдаем, как минимум, две страты, объединенных по признаку пола и возраста. В последней страте обнаруживается деление на четкие группы «18 лет – 23 года» (5 человек) и «31 год – 35 лет» (5 человек), что позволяет потенциально обнаружить специфические ответы, связанные с возрастом.

В отношении предложенной горизонтальной плоскости можно сделать следующие обобщенные выводы. Как правило, респонденты относительно легко понимают и осознают прецеденты, использованные для создания экстремистского визуального образа, поскольку в качестве таковых очень часто эксплуатируются символы, знакомые с детства: отечественные и

зарубежные, в частности, диснеевские, мультипликационные герои (Карлсон, Микки Маус, Дядя Федор, Чебурашка и пр.); киногерои (например, голливудских фильм в жанре фэнтэзи). Подобная эксплуатация, к сожалению, объяснима, так как мультипликация и кинематограф являются своеобразным «универсальным языком», понятным для большого круга зрителей и обычно вызывает положительные эмоции. В целом, если спрашивать, «легко ли считываются образы», можно предположить гипотезу, что степень «легкости» зависит от того, есть ли привязка образа к «свежим новостям» и новостям, имевшим значительный общественный резонанс. Существенную роль в считывании играют фенотипические и соматические признаки (цитата респондента: «актуализация внимания на антропологических чертах») антропоморфных образов (например, волосяной покров: борода, брови, цвет глаз), специфические атрибуты одежды, в повседневном сознании относимые к определенной этнической культуре (в частности, головные уборы, нательное белье). С другой стороны, те элементы в рассматриваемых образах, которые имеют узкоспециальное применение, например, в субкультурной среде футбольных фанатов, большинством респондентов, считывается с трудом, либо поверхностно («непонятность, пришлось зауглнить, что значит ...»).

При этом в процессе считывания образов встречается парадоксальный момент – респонденты не расчленяют образы неродной этнической системы. Так, Восток – это «Восток вообще», в котором различные этнические культуры смешиваются в одну («турки, арабы, иранцы», «арабы, кавказцы, азиаты» и т.п.). Респонденты также продемонстрировали сложность и непонимание разницы между идеологиями нацизма\национализма\неонацизма, язычества\неоязычества.

Ответы респондентов позволяют также выделить – в обобщенном виде – факторы (и их природу), влияющие на интерпретацию экстремистского текста. Проще говоря, можно сделать попытку понять, на что ориентируются респонденты при интерпретации того или иного образа. Таковыми становятся преимущественно новостные сообщения (в классических СМИ, а также в сети Интернет), общение с близкими и коллегами. Довольно часто респонденты ссылаются на то, что основным фактором интерпретации является то, что можно обозначить как «субъективная сфера»: «мое знание темы изнутри», «знание истории», «личные переживаниями», «суровая действительность».

В попытке обнаружить эмоциональное содержание интерпретируемых образов, очень часто встречается одновременное сочетание двух, если не противоположных, то гетерогенных по своей природе чувств – иронии и смущения («сперва это изображение вызвало улыбку, но я понимаю, что такие мемы - удел не высокоинтеллектуальных людей»). В то же время респонденты в абсолютном большинстве негативно оценивают представленные образы (в т. ч. задают вопросы, как долго еще нужно рассматривать подобный «расистский контент», демонстрируя тяжелые эмоциональные переживания). Однако, когда для обсуждения предлагаются образы, относимые или отождествляемые с родной этнокультурной системой, здесь, как правило, эмоциональный ряд характеризуется преимущественно положительными и нейтральными коннотациями. В эмоциональном и вербальном планах у респондентов встречается то, что можно назвать как переключение с «режима спокойной интерпретации изображения» на режим «давайте что-то с этим делать \ нужно сделать конкретное, чтобы такого не было» (т. е. того, что представлено на изображении. «Негодование, поскольку в XXI веке, когда размываются границы ... люди все равно продолжают выстраивать свое отношение к другим по внешним данным людям»). Следует отдельно упомянуть, что несколько из потенциальных респондентов отказались от дальнейшего интервьюирования, мотивировав свой

отказ нежеланием «марать руки» \ «сложностью терпеть» [подобные картинки], в т.ч. после прохождения половины опросной процедуры.

В обобщенном виде можно также определить, какие элементы в изображениях носят оскорбительный характер. Прежде всего, таковыми являются религиозные паттерны («те элементы, которые затрагивают веру») и внешний вид героев на изображении («узнаваемый внешний вид героев»).

По мнению интервьюируемых со следующими атрибутами конфессиональной, этнической принадлежности связан именно оскорбительный характер текста: отождествление с грубой агрессией; исключительностью определенной культуры и одновременным пренебрежением или высмеиванием других; «оскорблением внешности и поведения»;

Если говорить о дифференциации ответов по половому признаку, можно сделать следующие выводы. Для респондентов женского пола в интерпретации свойственно использование более сложных синтаксических конструкций («Не суди книгу по обложке. Все милое может оказаться страшным и вредным»). Ответы характеризуются более распространенными объяснениями, детализируется мотивировка интерпретируемого и просматриваемого медиаконтента («проблема классового неравенства», «расизм», «иммиграция», «запрещенные организации»). Респонденты-мужчины более емки и однозначны в своих объяснениях, стараются использовать однозначные характеристики. В описании эмоционального переживания респондентов-женщин используется более сложная – по сравнению с респондентами мужского пола – лексика, свидетельствующая о широком чувственном диапазоне («сарказм», «ирония», «ухмылка», «шутка на злобу дня», «печаль», «негативная печаль», «насмешка», «тревога», «страх», «неприязнь», «сомнительная реакция, больше отталкивает», «смех и вместе возмущение»). В то же время женщины относительно часто в ответе используют фразы, выражающие достоверность и бесспорность в своем понимании увиденного («неуверенность», «сомнение» «наверное», «не понятен источник для осмеяния», «сложно сказать», «неоднозначную; скорее негативную», «мне кажется», «скорее всего»). Мужчины в эмоциональном плане оперируют чаще всего понятиями «ухмылка», «негативно», «никакой [реакции]». Демонстрация положительного опыта встречается относительно т. н. славянских образов – к ним скорее положительное отношение.

Респонденты-женщины неоднократно обращаются к личному опыту и переживаниям при объяснении («С личным переживаниями. Ибо в этой волне сдавалось ЕГЭ» - в отношении медиаконтента, на котором представлены образы, дискриминирующие этнокультурные группы, якобы демонстрирующие высокие учебные результаты). Представители мужского пола обращаются в интерпретации к своему опыту как результату проживания в сети Интернет, характеризуя увиденное как «мем», «демотиватор».

При обращении внимания на возрастную детерминацию ответов мы не обнаружили каких-либо специфических реакций. В данном отношении ответы и их уникальность не проявляется.

Заключение

Таким образом, исследование контента виртуального пространства в аспекте конфликта интерпретаций позволило сформулировать следующие выводы:

- анализ понятия «культурный конфликт» показал, что основополагающим условием трактовки медиатекста является оценочный характер суждения с опорой на актуальную для респондента шкалу ценностей и социально-культурную ситуацию.

- конфликт интерпретаций заключается в уровне эмоциональной окраски ответов респондентов на условно неприемлемый контент.
- контекстное поле интерпретации текста может варьироваться в зависимости от погруженности воспринимающего субъекта в «повестку» сообщения.
- осознание содержательной стороны дискурса связано с пониманием культурной реальности через средства массовой информации и Интернет.
- в дифференциации именно экстремистского дискурса имеют ведущее значение гендерные позиции респондентов.

Библиография

1. Богатырева Е.Н. Культурный конфликт в контексте социокультурного анализа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. №. 2. С. 130-134.
2. Гусейнов А.А. Диалог культур: возможности и пределы // Вопросы культурологии. 2008. № 9. С. 6-9.
3. Журавлева Л.А. Молодежь как инновационная социальная общность // Образование и наука. 2013. № 4 (103). С. 77-90.
4. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
5. Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: Восточная литература, 2001. 142 с.
6. Мердок Дж.П.М. Социальная структура. М.: ОГИ, 2003. 608 с.
7. Обелюнас Н.В. Конфликт интерпретаций текстов в аспекте оппозиции событийной и оценочной информации (на материале текстов российских СМИ): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 241 с.
8. Порозов Р.Ю. Молодежь как субъект вандальной активности в субкультуре граффити // Политическая лингвистика. 2020. № 6 (84). С. 150-155.
9. Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.».
10. Титов В.Н. Конфликт интерпретаций в рамках парадигмы «интерпретативной социологии» // Общественные науки и современность. 2020. №. 4. С. 174-190.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
12. Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. М.: Академический проект, 2007. 256 с.
13. Ягудина Д.С. Конфликт интерпретаций как социокультурный феномен: дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2016. 158 с.
14. Avruch K. Cross-cultural conflict // Conflict resolution. 2009. Vol. 1. P. 45-57.
15. Bucholtz M. Youth and cultural practice // Annual review of anthropology. 2002. P. 525-552.

Cultural analysis of the content of virtual space in the aspect of the conflict of interpretations

Roman Yu. Porozov

PhD in Cultural Studies,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Sociology and Cultural Studies,
Institute of Social Sciences,
Ural State Pedagogical University,
620017, 26, Kosmonavtov ave., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: uspu@uspu.ru

Polina S. Klyusova

PhD in Cultural Studies,
Institute of Social Sciences,
Ural State Pedagogical University,
620017, 26, Kosmonavtov ave., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: polinasergeevna1900@mail.ru

Abstract

In this article, the authors consider the category “conflict of interpretations”, which develops with different interpretations of a text by different communication participants. The conflict of interpretations, as a rule, arises due to the many connotations of one media text. Defining the meaning of the term “conflict of interpretations”, the authors systematize research on philosophy, sociology, and cultural studies. The most vivid manifestation of the conflict of interpretations is presented in the youth environment and the media is the space of its representation. To determine the specifics of the conflict of interpretations, a selection of media texts was made according to current socio-cultural circumstances and events. In the process of analyzing the conflict of interpretations in the youth environment, empirical methods are used: in-depth interviews and analysis of media content, during which an attempt is made to identify the main aspects of the interpretation of extremist texts in the media space. The questions of the in-depth interview are formed into groups. The first group of questions is aimed at determining the specifics of the perception of specific images by young people, the second is a generalization of ideas about media content containing elements of extremist discourse. The respondents' answers also allow us to identify, in a generalized form, the factors (and their nature) that influence the interpretation of the extremist text. The authors hypothetically assume that the interpretation of the conflict media text will be influenced by cultural, age, gender, socio-demographic, emotional and communicative factors.

For citation

Porozov R.Yu., Klyusova P.S. (2022) Kul'turologicheskii analiz kontenta virtual'nogo prostranstva v aspekte konflikta interpretatsii [Cultural analysis of the content of virtual space in the aspect of the conflict of interpretations]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 12 (5A), pp. 111-121. DOI: 10.34670/AR.2022.12.41.011

Keywords

Media, cultural conflict, conflict of interpretations, youth, extremist discourse.

References

1. Avruch K. (2009) Cross-cultural conflict. *Conflict resolution*, 1, pp. 45-57.
2. Bogatyreva E.N. (2016) Kul'turnyi konflikt v kontekste sotsiokul'turnogo analiza [Cultural conflict in the context of sociocultural analysis]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 16, 2, pp. 130-134.
3. Bucholtz M. (2002) Youth and cultural practice. In: *Annual review of anthropology*.
4. Guseinov A.A. (2008) Dialog kul'tur: vozmozhnosti i predely [Dialogue of Cultures: Possibilities and Limits]. *Voprosy kul'turologii* [Issues of Culturology], 9, pp. 6-9.
5. Horney K. (2007) Nashi vnutrennie konflikty. Konstruktivnaya teoriya nevroza [Our Inner Conflicts: A Constructive Theory of Neurosis]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.

6. Huntington S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of Civilizations]. Moscow: AST Publ.
7. (2008) *Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtike* [The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ.
8. Leach E. (2001) *Kul'tura i kommunikatsiya: Logika vzaimosvyazi simvolov. K ispol'zovaniyu strukturnogo analiza v sotsial'noi antropologii* [Culture and Communication: The Logic by which Symbols Are Connected. An Introduction to the Use of Structuralist Analysis in Social Anthropology]. Moscow: Vostochnaya literature Publ.
9. Murdoch J.P.M. (2003) *Sotsial'naya struktura* [Social Structure]. Moscow: OGI Publ.
10. Obelyunas N.V. (2012) *Konflikt interpretatsii tekstov v aspekte oppozitsii sobytiinoi i otsenochnoi informatsii (na materiale tekstov rossiiskikh SMI). Doct. Dis.* [The conflict of interpretations of texts in the aspect of the opposition of event and evaluative information (based on the texts of the Russian media). Doct. Dis.]. Kemerovo.
11. Porozov R.Yu. (2020) *Molodezh' kak sub"ekt vandal'noi aktivnosti v subkul'ture graffiti* [Youth as a subject of vandal activity in the graffiti subculture]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 6 (84), pp. 150-155.
12. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29 noyabrya 2014 g. № 2403-r «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi molodezhnoi politiki RF na period do 2025 g.»* [Decree of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 No. 2403-r "On approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period up to 2025"].
13. Titov V.N. (2020) *Konflikt interpretatsii v ramkakh paradigmy «interpretativnoi sotsiologii»* [The conflict of interpretations within the framework of the paradigm of interpretative sociology]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 4, pp. 174-190.
14. Yagudina D.S. (2016) *Konflikt interpretatsii kak sotsiokul'turnyi fenomen. Doct. Dis.* [The conflict of interpretations as a sociocultural phenomenon. Doct. Dis.]. Volgograd.
15. Zhuravleva L.A. (2013) *Molodezh' kak innovatsionnaya sotsial'naya obshchnost'* [Youth as an innovative social community]. *Obrazovanie i nauka* [Education and science], 4 (103), pp. 77-90.